

Тригга о кровавой сливе

ГУ
САЛАНЬ

Гу Салань

Притча о кровавой сливе

<https://litres.ru/74638454>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сто лет — долгий срок для человеческой памяти, но ничтожный для призрака, обреченного охранять замерзшие скалы.

В глухом горном ущелье, куда закрыт путь простым смертным, бесплотный старец каждую ночь разворачивает свиток перед деревенскими детьми. Его шуршащий голос уносит слушателей в далекий 1551 год, когда Империя Мин содрогалась от войн, а небо явило миру чистейшее из проклятий.

Это притча о Юноше-Зиме, чья ледяная Ци выжигала жизнь до основания, и Девушке-Сливе, чье хрупкое сердце увядало от тепла, но расцветало в лютый мороз. Они не могли коснуться друг друга кожа к коже — лишь длинная красная шелковая лента связывала их пояса на краю бездны. Но как сберечь хрупкую заботу посреди сугробов, если коварная весенняя оттепель уже обнажает корни старых грехов, а ищейки из Пекина идут по ледяному следу?

Небо безжалостно к влюбленным, но Кровавая Слива помнит клятву, которую не под силу расторгнуть даже времени.

Содержание

Пролог. Четыре времени года	4
Глава 1. Удушливый зной забирает силы; Ледяной вихрь приносит жизнь	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Гу Салань

Притча о кровавой сливе

Пролог. Четыре времени года

В начале была лишь тишина. Глухая, звенящая, осязаемая тишина, какая воцаряется в зажатых меж утесами ущельях только после того, как утихнет яростная полуночная метель. Воздух в тесных, затерянных на окраине обитаемого мира горах Бэй-Мэй становился настолько плотным, сухим и хрупким, что любое неосторожное движение, казалось, могло расколоть его, подобно тончайшему озерному льду.

Но затем сквозь этот глухой, непроглядный мрак послышался едва различимый шорох — робкий топот маленьких шагов в подшитой сухой травой крестьянской обуви, едва уловимое дыхание и шмыганье простуженных носов. Где-то в глубине темноты негромко, со скрипом звякнула тяжелая железная заслонка. Пальцы, давно позабывшие, как выглядит настоящее пламя, чиркнули о кресало. С третьей попытки в темноте вспыхнул и неровно затрепетал крошечный, слабый огонек масляной плошки, заправленной дешевым конопляным маслом. Едкий черный дымок тонкой струйкой потянулся к потолочным балкам.

Этот колеблющийся свет выхватил из темноты силуэты

нескольких деревенских ребятишек . Малыши испуганно и преданно жались друг к другу, усаживаясь прямо на разложенные по земляному полу соломенные циновки и натягивая свои грубые, поношенные тулупы из жесткой овечьей шерсти до самых подбородков . Их круглые глаза блестели от любопытства и легкого, благоговейного страха . Напротив них, почти полностью растворяясь в тяжелых, колышущихся тенях угла, сидел старик . Из этой густой мглы соткался его голос — сухой, шуршащий, похожий на шелест замерзающих на лету, перебираемых холодным ветром старых свитков, но несущий в себе такую глубокую, чистую и леденящую прохладу, от которой по коже невольно пробегали мурашки .

— Садитесь ближе, малыши, — негромко, чуть хрипло произнес этот невидимый во мраке голос . В его интонациях не было возраста, в них не чувствовалось дряхлости, но звенела застарелая, глухая и невыносимая боль, какую человек может носить в себе лишь после того, как потеряет всё, ради чего дышал . — Натягивайте свои тулупчики плотнее, прячьте ладони . Не стоит зря выпускать то небольшое тепло, что у вас осталось, навстречу ночному холоду . Вы так долго скреблись в мою дверь и просили старую сказку... Что ж . Слышали ли вы когда-нибудь, дети, историю о Кровавой Сливе, что растет на самых суровых, обдуваемых всеми ветрами северных кручах ущелья Глотка Дракона?

Дети мгновенно замерли, перестав шевелиться, во все глаза вглядываясь вглубь тени . Старшая девочка бережно

прижала к себе младшего брата, который отчаянно пытался разглядеть лицо рассказчика . Старик на мгновение умолк, словно ласково и печально осматривая своих маленьких ночных гостей, а затем продолжил еще тише, и его слова ложились в тишину комнаты ровно, будто строки, выводимые тушью на чистом шелке :

— Нынешние люди, что торгуют на рынках в посаде Каменной Мельницы, думают, что это лишь старая, глупая притча . Сказка, которую ленивые няньки придумали ради того, чтобы занять бесконечные, лютые зимние вечера и уложить непосед в постель . Они стали слишком слепы в своих каменных домах . Они не знают, они забыли, что у каждого слова, у каждого иероглифа в этой истории есть своя страшная цена . И цена эта — чья-то безвозвратно пролитая кровь, впитавшаяся в мерзлые камни . Послушайте же, дети, о том, как четыре сезона года, сменяя друг друга по велению равнодушного неба, могут стать четырьмя неотвратимыми шагами к разбитому сердцу.

Сезон Нефритовой Зимы — это самый первый шаг,. Время, когда всякая жизнь замирает, земля засыпает под тяжелым белым саваном, а реки замерзают до самого дна,. Древняя притча говорит, что Зима — это одинокий, проклятый и всеми покинутый путник, чье присутствие приносит обычным смертным лишь страх, голод и скорую гибель,. Весь мир бежит от его ледяной поступи, наглухо запирая ставни и подпирая двери тяжелыми засовами,. Но какова же горькая иро-

ния неба: именно под этим чистым, безжалостным нефритовым покровом, среди звенящей стужи рождается самая истинная, самая преданная любовь на земле,. Дикая мэйхуа — девушка-слива — была рождена для холода,.

Она не умела жить в тепле, она увядала, бледнела и задыхалась, когда другие бутоны радовались ласковому весеннему солнцу,. Ей нужен был мороз, чтобы дышать,. Ей нужен был тот, кого все остальные люди считали самой смертью,. И когда посреди страшной бури они встретились, в их маленьком ледяном убежище зародилось мимолётное хрупкое счастье, согретое и защищенное тем самым холодом, который оберегал их от жестокого внешнего мира и завистливых взглядов,. Но небо жестоко, оно не позволит смертным вечно укрываться от предначертанного рока, и вслед за морозами неизбежно наступает Сезон Лазурного Пробуждения.

Это второй шаг — время обманчивой, коварной оттепели. Снег начинает стремительно таять, горные потоки с ревом вскрываются, размывая дороги и обнажая старые грехи, грязные тайны и давно забытые обиды. Именно тогда, весной, мир людей заявляет свои безжалостные права на то, что ему никогда не принадлежало. Прошрое, так надежно укрытое зимней метелью, всегда находит дорогу обратно. Юноше-зиме приходится вспомнить, кто он есть на самом деле, какую фамилию носит, и какая непреодолимая, чудовищная пропасть сословий отделяет его, сына знатного столичного рода, от бедной деревенской сироты . Весна приносит

с собой удушающую, липкую тревогу: солнце, обещающее радость и богатый урожай простым крестьянам, для девушки-сливы становится первым, медленным ядом . Весна разжимает их руки и заставляет расстаться . Обещания скорой встречи, произнесенные на ветру, повисают в воздухе, но на самом деле Сезон Лазурного Пробуждения лишь открывает ворота для грядущей, неотвратимой беды .

А затем, сменяя туманы, приходит Сезон Беспощадного Солнца — третий шаг, удушающий, беспощадный зной и страшная кульминация всей трагедии. Это самое жестокое, самое губительное время для тех, чья душа соткана из снега и северного ветра Лето запирает юношу в золотой клетке столбчатых законов, за высокими каменными стенами отцовского дома, которые раскаляются под солнцем, словно стенки печи В это же время в далекой, иссушенной засухой горной деревне его возлюбленная увядает без спасительной прохлады его присутствия, сгорая от внутреннего жара На старой сливе во дворе их опустевшей избушки созревают тяжелые, перезревшие плоды, сочащиеся багровым, густым соком, который пачкает сухую землю, точь-в-точь как капли человеческой крови . И в самый жаркий, удушливый день года, когда юноша совершает отчаянный, безумный побег и возвращается, ломая коня, чтобы наконец обнять ее, случается худшее Его собственное тело, разгоряченное палящим солнцем, бешеной скачкой и огнем внутри, несет ей не спасение, а окончательную гибель Желая согреть и защитить ту, которую лю-

бил больше собственной жизни, он собственноручно сжигает её хрупкую душу своими отчаянными объятиями Любовь, ставшая слишком горячей, превращает лепесток в пепел

И завершает этот безжалостный круг природы Сезон Золотого Пепла — четвертый шаг, время вечного, безмолвного траура и полного осеннего забвения Время, когда растерзанная земля наконец остывает под затяжными холодными дождями, золото увядающих листьев опадает на свежую могилу, скрытую под корнями Кровавой Сливы, а выживший в этой войне отшельник сжигает свои богатые столичные шелка, чтобы навсегда остаться в пустой, промерзшей избушке Оставшись наедине со своим проклятием, он наконец понимает горькую философскую истину: их любовь была безупречной, но этот мир устроен иначе Они совершили святотатство, нарушив вечный закон сезонов и попытавшись принести дикий зимний цветок туда, где царит человеческое тепло...

Голос в углу хижины внезапно оборвался, затихнув на полуслове. В наступившей мертвой тишине послышался судорожный, сухой и рваный вздох. В темноте, скрытой от детских глаз, говоривший так крепко сжал свой кулак, что затрещали суставы, словно он до сих пор сквозь толщу ушедших десятилетий отчаянно пытался удержать в своей ладони чужие — тонкие, ускользающие и стремительно остывающие пальцы.

Один из маленьких мальчиков испуганно шмыгнул носом

от этого звука и еще ближе, до предела прижался к плечу своей старшей сестры [VRFm6K, Сама плoшка на столе слабо чадила, и огонек ее затрепетал от ворвавшегося сквозь щель в стене сквозняка .

— Не бойтесь, маленькие мои, — ласково, но с невыносимой, затаенной горечью прошептал голос, медленно растворяясь в нахлынувшей тишине заброшенного дома . — Всякая старая песня рано или поздно заканчивается безмолвием . Но сегодня пришло время разорвать это безмолвие и рассказать эту историю с самого начала . С того самого дня, когда много лет назад на уезд Бэй-Мэй обрушилась самая страшная свирепая метель, а молодая ничего не подозревающая девушка по имени Сяо Мэй робко вышла на порог своего дома, еще не зная, что безжалостный рок уже занес руку, чтобы постучать в ее деревянные ворота...

Глава 1. Удушливый зной забирает силы; Ледяной вихрь приносит жизнь

«Тот, кто привык к теплу цветущих южных равнин, никогда не поймет, почему тишина может стать удушающей петлей. Люди молят небо о бесконечном лете, не зная, что для некоторых души солнце — это самый безжалостный палач. Свиток памяти разворачивается медленно, и сквозь вековую пыль я снова слышу, как уходящий зной десятого выпивал последние капли жизни из той, что была рождена для чистого снега»

В начале десятого года Синьхай, уезд Бэй-Мэй застыл в неестественном, изнуряющем оцепенении. Время, когда северные горы Тайханшань уже должны были укрыться первыми пушистыми сугробами, принесло лишь тяжелый неподвижный зной,. Воздух в ущелье Глотка Дракона казался жидким золотом — он стоял меж отвесных каменных круч, не колыхаясь, пропитанный удушливой пылью сухих дорог и горьким запахом увядающей полыни .

Внутри деревянной хижины на самом краю расселины царила мертвая, давящая тишина. Сяо Мэй сидела у открытого окна, бессильно опустив бледные, почти прозрачные ладони на колени. Каждое дыхание давалось ей с таким трудом,

словно вместо прохладного горного воздуха её легкие заполнял раскаленный песок. Тонкая полотняная рубаша липла к спине, но на коже девушки не было благодатного пота — её тело горело сухим, изнуряющим изнутри жаром, который лекари из посада Каменной Мельницы называли проклятием увядающей Ци . Они разводили руками, советуя дедушке Лао Гу готовить погребальные одежды, ведь «сердце зимней сливы» в груди Мэй не могло биться, пока солнце безжалостно выжигало землю,.

Девушка медленно повернула голову к унылому, потрескавшемуся двору. Там, у самой изгороди, сиротливо замерло старое дерево дикой мэйхуа,. Его изломанные черные ветви были сухими и нагими, точно мертвые пальцы, тянущиеся к небу из серой потрескавшейся земли,. И Мэй, и это иссохшее дерево томились в ловушке чужого удушливого сезона, медленно превращаясь в прах под равнодушным лазурным небом,.

— Мэй-эр, выпей... — В комнату, тяжело шаркая старыми суставами, вошел дедушка Лао Гу . В его руках подрагивала глиняная пиала с горьким отваром из охлаждающих трав . Старик выглядел измученным: от затянувшегося тепла его собственные старые кости ныли, но еще сильнее его сердце ранила слабость внучки . — Лекарь Ван говорил, что эти корни должны унять внутренний пожар. Потерпи, дитя. Небо не может вечно злиться. Зима придет. Обязательно придет. Мэй слабо улыбнулась, чтобы не расстраивать деда, и сде-

лала глоток. Жидкость показалась ей теплой и тошнотворно вязкой. Никакие травы не могли заменить ей того, чего требовала её суть — перевозданной звенящей стужи.

Вдруг подвеска из полых бамбуковых трубочек, висевшая над порогом и молчавшая последние три луны, издала короткий, резкий и тревожный стук.

Мэй вздрогнула. В ущелье, где секунду назад воздух стоял монолитной стеной, ворвался первый едва заметный сквозняк. Но это был не привычный теплый ветер с юга. Он нес с собой странный, пронзительный аромат — запах чистого, нетронутого льда и далеких, замерзших вершин, куда никогда не ступала нога человека.

Где-то далеко, на самом въезде в Глотку Дракона, послышался звук, от которого у любого обычного смертного по спине пробежали бы мурашки. Это было ни на что не похожее, мертвенное, леденящее шуршание. По каменистой тропе, содрогаясь от судорожных вздохов, шел путник. Ткань его изношенного, тяжелого дорожного плаща промерзла настолько, что при каждом шаге издавала сухой, хрустящий скрип, словно кости ломались под ногами. Металлические цепочки на его плотных кожаных перчатках тихо и зловеще звенькали, напоминая стук падающих сосулек.

Путник — юноша по имени Хань — едва держался на ногах. Из раны на его боку, оставленной стрелой суеверных охотников, сочилась темная, мгновенно густеющая кровь. Он бежал от людей, которые проклинали его за ледяную по-

ступь, но от слабости его врожденное проклятие окончательно сорвалось с цепи,. Воздух вокруг него сгустился и замерзал. Трава под его сапогами чернела, покрывалась хрупким инеем и с тихим треском рассыпалась в серую пыль . С каждым его хриплым выдохом вперед вырывались плотные, серые клубы ледяного пара, которые тут же закручивались в маленькие, злые вихри .

Шуршание его плаща приближалось к хижине с каждым мгновением, становясь все громче, отчетливее, неизбежнее. Зима шла к дому Сливы, волоча за собой шлейф первозданного холода,.

Небо над ущельем потемнело за считанные вздохи. Лазурь мгновенно затянуло свинцовыми, тяжелыми тучами. Солнце, еще минуту назад выжигавшее землю, скрылось, и на Бэй-Мэй обрушилась аномальная свирепая метель. Крупные хлопья снега, похожие на лепестки белых цветов, бешено закружились в воздухе, укрывая пыльную изгородь чистым саваном,.

Лао Гу вскрикнул, роняя пиалу. Глиняные осколки разлетелись по полу, но старик даже не взглянул на них. Он бросился к окну, окоченевшими от внезапного мороза пальцами пытаясь подтянуть ставни.

— Мэй-эр! Закрой дверь! Что это... Откуда этот холод?! — Зубы старика начали неистово стучать. Холод, ворвавшийся в комнату, мгновенно сковал его суставы тупой, ноющей болью .

Но Сяо Мэй не двигалась. Она медленно поднялась с циновки.

В комнату сквозь щели деревянных стен проникали первые струи ледяного воздуха. И как только этот мороз коснулся лица девушки, удушающий пожар в её груди погас. Она расправила плечи и сделала первый за много лун глубокий, кристально чистый вдох. Глаза Мэй, бывшие тусклыми и заспанными, распахнулись, засияли первозданной чистотой. Кровь по венам побежала быстрее, согревая тело правильным, живым теплом, а на бледных щеках в один миг расцвел пронзительный, багряный румянец — точь-в-точь как лепесток зимней сливы, умытый свежим снегом.

Она ожила. Мороз, принеший страх её дедушке, для неё стал спасительным лекарством.

В этот момент деревянная дверь хижины с треском распахнулась, сорвавшись с верхней кожаной петли. Вместе со снегом и воем ветра на порог упала высокая фигура в обледеневшем плаще. Хань тяжело дышал, цепляясь рукой в тяжелой перчатке за косяк. Иней от его пальцев мгновенно пополз по дереву, превращая ворота в ледяную корку.

— Назад... — вытолкнул он из себя хриплый, надрывный звук, заметив людей внутри. Его взгляд из-под глубокого капюшона был затравленным, полным дикого, животного отчаяния. — Уходите... Я заморожу вас... До смерти...

Хань приготовился к худшему. Он ждал, что старик бросит в него угли из печи, а хрупкая незнакомка упадет замерт-

во от ледяной волны . Силы окончательно оставили изгнанника, и он начал медленно оседать на обледеневший порог, готовый закрыть глаза навстречу вечной темноте .

Летописи умалчивают о том, чем именно думал Юноша-Зима в ту секунду, когда его сознание почти угасло. Но вместо криков ужаса он почувствовал нечто невозможное. Сквозь завывание бури и хруст нарастающего льда слышались легкие, уверенные шаги босых ног. Иней на полу не ранил девушку — она ступала по ледяной корке так, словно всю жизнь ждала именно этого шторма .

Хань из последних сил приподнял голову. Тень упала на его обледеневшее лицо, когда Сяо Мэй остановилась прямо перед ним. Вопреки законам этого мира, ледяная аура проклятого не убила её. В полумраке хижины под яростный, ликующий звон бамбуковой подвески её багряный румянец сиял ярче любого пламени. Не говоря ни слова, она опустилась на колени прямо в сугроб у порога и протянула свои хрупкие теплые ладони навстречу его замерзающим рукам, преграждая путь рвущейся наружу смерти,.

— Гу-гунян... Стой... — Хань попытался отпрянуть, но его спина наткнулась на промерзший деревянный косяк. Каждое слово давалось ему с великим трудом, губы почти не слушались, скованные хрустящим слоем наледи. Он помнил, как в уездном посаде Каменной Мельницы торговцы швыряли в него камнями, едва заметив, как от его сапог промерзает земля. Его считали ледяным демоном, чудовищем, чья Ци

крадет тепло у озимых посевов. И сейчас, слабея от глубокой раны на боку, юноша больше всего боялся, что его сорвавшаяся с цепи стихия обратит эту хрупкую, бледную девушку в безжизненную ледяную скульптуру .

Но Сяо Мэй не отступила ни на цунь. Вместо этого её тонкие пальцы мягко, но удивительно властно коснулись тяжелой, промерзшей кожи его перчаток .

В тот же миг Хань содрогнулся. Его глаза, лишённые зрачков и ставшие пронзительно-белыми, цвета нефритового льда, расширились от потрясения . Он приготовился услышать её предсмертный стон, но вместо этого почувствовал, как по его собственным ледяным меридианам сквозь застывшую от ранения кровь разливается слабое, но кристально чистое тепло. Это не был удушающий, болезненный зной палящего солнца. Это было мягкое, живое тепло дикой сливы, рожденной расцвести посреди абсолютного нуля,.

Для самой же Сяо Мэй это прикосновение стало мгновением истинного спасения. Колючая, карающая стужа, исходившая от Ханя, ворвалась в её тело, но не заморозила его, а укротила тот страшный, сухой внутренний пожар, что выжигал её Ци последние три луны . Её дыхание, доселе прерывистое и свистящее, выровнялось. Прозрачная, как тончайший столичный фарфор, кожа на её запястьях налилась здоровой силой . «Сердце зимней сливы» в её груди забилось ровно и мощно, словно празднуя долгожданное возвращение домой, в родную стихию,.

— Дедушка, помоги мне, — её голос, чистый и звонкий, заставил оцепенелого Лао Гу наконец прийти в себя . — Он ранен. Если мы оставим его на пороге, буря убьет его.

Лао Гу, укутавшись в жесткий овечий тулуп и непрестанно стуча зубами от неестественного, пронзительного холода, спустился с помоста, Его старые суставы ныли от сырости, а подсознательный страх перед «ледяным монстром» кричал о том, что нужно запереть дверь и выставить чужака вон . Но старик посмотрел на внучку. Он увидел багряный, здоровый румянец на её щеках, увидел, как исчезла её смертельная бледность, и понял: этот проклятый парень — единственное лекарство, способное продлить жизнь его А-Мэй .

Преодолевая страх, старик подошел ближе. Хань попытался оттолкнуть их, но силы окончательно оставили его. Его голова бессильно упала на грудь, а глаза цвета нефритового льда медленно закрылись .

Вдвоем, тяжело дыша и скользя по мгновенно обледеневшим доскам пола, Лао Гу и Сяо Мэй перетащили беспомощного юношу в самый дальний, темный и холодный угол хижины — туда, куда не долетал жар от домашней печи . Стоило Ханю опуститься на соломенную циновку, как иней вокруг его тела расплылся по стенам, затягивая углы комнаты причудливыми морозными узорами.

Сяо Мэй бережно расправила подол своей холщовой рубахи, на котором уже звенели мелкие кристаллики льда, и повернулась к очагу. Свирепая метель за стенами продолжа-

ла выть, укрывая ущелье Глотка Дракона плотным саваном, но внутри маленького дома время замерло, запечатав первую безмолвную встречу Зимы и Сливы,.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.